

Роберт Ирвин Говард

Дорога Боэмунда

Роберт Ирвин Говард Дорога Боэмунда

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155328

Роберт Говард. Врата империи: Северо-Запад; Минск; 1999

ISBN 5-7906-0079-4

Оригинал: RobertHoward, "The Track of Bohemund"

Перевод:

Кирилл Петрович Плешков

Роберт Говард

Дорога Боэмунда

Из-за густых курчавых облаков показалась луна, осветив тени деревьев серебристым сиянием, и человек метнулся в густые заросли, словно преследуемый охотниками зверь, что в страхе прячется от предательского света. Когда его ушей достиг звук подкованных копыт, он еще глубже забился в укрытие, стараясь не дышать. В тишине послышался сонный крик ночной птицы и ленивый плеск волн о далекий берег. Луна снова скрылась за наплывшим облаком, и в то же мгновение из-за деревьев на другой стороне небольшой поляны появился всадник.

Человек в кустах тихо выругался. Он мог различить лишь неясные очертания движущейся фигуры, а слышал лишь звяканье стремян и скрип кожи. Но вот луна снова выглянула из облаков. Облегченно вздохнув, человек выскочил на дорогу.

Лошадь с фырканием поднялась на дыбы. С губ всадника сорвалось изумленное проклятие и в его руке сверкнуло короткое копьё. Столь неожиданное появление незнакомца прямо под носом у его лошади не предвещало ничего хорошего для одинокого путника. Незнакомец был высок и мускулист, на нем не было ничего, кроме набедренной повязки, и его стальные мышцы отчетливо вырисовывались в лунном свете.

– Назад! Или я проткну тебя насквозь! – рывкнул всадник по-турецки. – Кто ты, во имя шайтана?

– Роджер де Коган, – ответил незнакомец на норманно-французском. – Говори тише. До войск мусульман не больше мили, и рядом могут быть их разведчики. Это просто чудо, что тебя не схватили. Дальше у берега, в небольшой бухте под прикрытием высоких деревьев, спрятаны три галеры, и я видел там блеск оружия.

Всадник молча ждал продолжения, не опуская копья, но и не поднимая его вновь.

– Этой ночью я сбежал с галеры знаменитого пирата, араба Юсефа ибн Залима. Многие месяцы я провел на веслах, но теперь – свободен. Я знаю, он назначил здесь встречу; с какой целью – мне неизвестно. Он слишком боялся предательства со стороны турок, а потому встал на якорь за пределами бухты. А теперь он покоится на дне залива, ибо я разорвал свои цепи, тихо подкрался к нему, пока он дремал на носу, задушил его и поплыл к берегу.

Всадник что-то проворчал, сидя на лошади прямо и недвижимо, подобно освещенной лунным светом статуе. Он был высокого роста, в серой кольчуге, не скрывавшей очертаний его мускулистых рук, и в стальном шлеме, небрежно сдвинутом на затылок. В полумраке хищные ястребиные черты его лица производили поистине жуткое впечатление.

– Думаю, ты лжешь, – сказал он на норманно-французском со своеобразным акцентом. – Хочешь сказать, ты галер-

ный раб? С коротко подстриженными волосами и свежесбрированным лицом? И как осмелились галеры мусульман скрываться на европейском берегу, да еще столь близко от города?

– Ради всего святого, – с неприкрытым удивлением ответил беглец, – ты ведь не станешь сомневаться в том, что я христианин? Да, я пострижен и безбород, но ведь рыцарю не пристало выглядеть неряхой, даже в плену. Одним из пленных на галере был грек-брадобрей, и лишь сегодня утром я уговорил его постричь и побрить меня. Что касается второго твоего замечания, то всем известно: мусульмане рыщут по Босфору и Мраморному морю, когда им заблагорассудится. Однако мы рискуем жизнью, пока стоим здесь и болтаем. Подай мне стремя, и прочь отсюда.

– Не думаю, – пробормотал всадник. – Ты слишком много видел.

Резким сильным толчком он послал копьё прямо в широкую грудь беглеца. Удар был неожиданным, и только инстинктивное движение спасло того от смерти. Копьё со свистом пронеслось мимо, оцарапав кожу на плече, однако де Коган успел схватиться за древко и изо всех сил дернул его назад. Ярость, вызванная подлым нападением, пробудила в нем жажду убийства.

В следующее мгновение всадник потерял равновесие и вылетел головой вперед из седла, прямо на грудь рыцарю. Вместе они рухнули наземь, в густые заросли. Небрежно на-

детый шлем всадника зацепился за ветку, слетел и упал в кусты. Лошадь фыркнула, в испуге метнулась к деревьям.

Рука в кольчужной перчатке схватилась за кинжал, однако де Коган оказался проворнее. Он отпрянул чуть в сторону, приподнялся над своим противником и схватил тяжелый камень, подвернувшийся ему под руку. Отточенный клинок блеснул в лунном свете, но прежде, чем он достиг цели, булыжник обрушился на покрытую кольчужным капюшоном голову.

Роджер почувствовал, как под его ударом хрустнул череп, но уже не мог остановиться. Одержимый яростью, он бил и крушил врага до тех пор, пока тот не застыл под ним бездыханный. Струйка крови, что медленно сочилась из-под металлической сетки, стекла на холодные пальцы победителя – лишь тогда сознание его прояснилось и боевой пыл исчез, словно с жаркой кровью врага впитался в сырую землю.

Роджер со стоном поднялся, отбросив в сторону камень, и взглянул на мертвеца. Ярость, испаряясь, дрожью пробежала по его телу; он всмотрелся в ястребиные черты поверженного, в замешательстве пожал плечами. Затем его осенила внезапная мысль – она была столь проста и ясна, что рыцарь удивился, почему она не пришла ему в голову раньше. Всадник появился со стороны лагеря мусульман. Вряд ли он мог проехать мимо него незамеченным. Значит, он был в самом лагере. Это означало, что его связывали с мусульманами некие отношения... Роджер снова пожал плечами. С тех пор

как он прошел в авангарде войск Петра Отшельника вниз по Дунаю, он успел неплохо узнать обычаи Востока. Византийцы и мусульмане нередко вцеплялись друг другу в глотку, но иногда они втайне действовали совместно, что ставило европейцев в тупик. Однако Роджер никогда прежде не слышал о перебежчиках-крестоносцах – а этот человек носил доспехи крестоносца и явно не был византийцем.

Только крайняя необходимость заставила рыцаря раздеть мертвеца. Тот был чисто выбрит, а соломенного цвета волосы коротко пострижены. Судя по его внешности, он мог быть норманном, однако де Коган помнил его чуждый акцент. Поспешно облачившись в доспехи, рыцарь плотнее затянул пояс с мечом и, отыскав железный шлем, надел его на свои рыжие кудри. Все одеяние подходило ему так, словно было сделано нарочно для него. Неизвестный всадник и он сам были одного роста, одинаково широкоплечи и тонки в талии. Роджер положил ладонь на холодную рукоять длинного меча и вновь почувствовал себя человеком – впервые за несколько месяцев. Легкий звон ножен о кольчугу на бедре напомнил ему о том, что он снова сэр Роджер де Коган, рыцарь Креста, один из лучших воинов Англии.

Вокруг царила совершенная тишина, если не считать отдаленного щебета ночных птиц. Рыцарь поймал коня, что спокойно пасся на границе леса, вскочил в седло, и в этот момент долгие дни унижений и тяжелого труда свалились с его плеч, будто сброшенная мантия, оставив в душе лишь

мрачную решимость посчитаться с поклонниками Магомета. Он холодно улыбнулся, вспомнив затихающий хрип бывшего хозяина – Юсефа ибн Залима, но лицо его вновь померчнело, когда перед его мысленным взором возник иной образ – худое длинное лицо с высокомерной усмешкой на тонких губах. Принц Осман, сын Килиджа Арслана, Красного Льва Сельджуков. Да, сейчас призрак в остроконечном шлеме с пером цапли смеялся над ним, но рано или поздно должен был наступить день, когда его настигнет заслуженное возмездие. Сэр Роджер умел ждать – как и подобало истинному норманну, он отличался завидным терпением.

Копье рыцарь не тронул, но отстегнул висевший на седельной дуге щит и с привычной звериной осторожностью нырнул в тень деревьев, туда, куда он направлялся до неожиданного приключения. На щите не было никаких знаков, однако на груди кольчуги виднелась странная золотая эмблема – нечто вроде сокола, – явно выполненная в греческой манере.

Лес был пустынен и тих, ветер не долетал сюда со стороны моря; Роджер следовал вдоль берега, так близко от него, насколько это было возможно, прислушиваясь к отдаленному плеску волн. Местность была холмистой и неровной. Часа через три среди деревьев стали мелькать огни Константинополя, которые появлялись, если всадник поднимался на холмы, и исчезали, если он спускался в долины. По его подсчетам, ночь уже миновала четверть своего земного пути, когда

он въехал на окраину города, раскинувшегося вдоль северного побережья бухты Золотой Рог.

Он миновал кварталы венецианских торговцев и других заграничных купцов, проехал по длинным унылым улицам, беспорядочно усеянным деревянными строениями, меж коих виднелись и богатые каменные дома. Однако, прежде чем он добрался до центра города, путь ему преградила стена, а стража у ворот окликнула его. Рука в кольчужной перчатке поднесла факел почти к самому его лицу, но прежде, чем он успел назвать себя, он увидел фигуру в черном бархате, которая склонилась со стены. Судя по всему, этот человек внимательно разглядывал его. Затем последовало несколько приглушенных слов по-гречески, и ворота распахнулись, чтобы пропустить его и тут же закрыться за ним. Он собирался уже двинуться дальше, но человек в черном устремился к нему и схватил коня за поводья.

– Свет, свет! – раздраженно крикнул незнакомец. – О чем вы думаете? Забыли распоряжения своего господина? Мануэль, отведи коня. Идем со мной, милорд Торвальд. Нет, погоди! Я бы не узнал тебя в этих западных доспехах и без бороды, если б не золотой сокол на твоей кольчуге. Однако кто-нибудь может оказаться прозорливее меня – возьми этот шелковый шарф и прикрой лицо.

Сэр Роджер взял шарф и обмотал его вокруг шлема, так что видны были лишь его стального цвета глаза. Конечно, его приняли за человека, которого он убил. Наверняка сей-

час ему угрожала опасность, и все же, если в он назвал себя, ему угрожала бы опасность не меньшая. Имя «Торвальд» пробудило неясные воспоминания в мозгу норманна, и он инстинктивно коснулся рукояти меча на поясе.

Проводник вел его по узким пустынным улицам, и вскоре Роджер понял, что они находятся недалеко от причала, выдававшегося в пролив. Они остановились у приземистой каменной башни, очевидно реликвии более ранней и грубой эпохи. Кто-то выглянул через щель в двери.

– Открывай, дурак! – прошипел человек в черном. – Это Анджелус и господин Торвальд Разрушитель.

Скрипнули петли, дверь отворилась внутрь. Сэр Роджер последовал за проводником. Станные, нелепые мысли обуревали его в этот момент. Торвальд Разрушитель – вот как звали того человека, которого он забил камнем на лесной поляне. Ему приходилось слышать об этом норвежце, самом беспощадном воине Варангианской Стражи – банды наемников, убийц с севера. Он знал, что греки оказывали им поддержку; он видел их возле императорского дворца и помнил их шлемы с гребнями, алые накидки и золоченые кольчуги. Однако что мог делать капитан варангианцев ночью на пути меж городом и турецким лагерем? Почему он был облачен в доспехи крестоносца?

Роджер понял, что волею случая ступил в яму, полную змей, но до поры решил ничего не предпринимать. Он лишь плотнее прикрыл лицо шарфом и проследовал за своим про-

водником по короткому темному коридору в небольшую, слабо освещенную комнату. В большом, богато украшенном кресле кто-то сидел; сопровождающий поклонился ему почти до пола и вышел, закрыв за собой дверь. Рыцарь стоял, напряженно вглядываясь в полумрак. По мере того как его глаза привыкали к тусклому пламени свечей, фигура в кресле вырисовывалась все четче и ясней. Наконец Роджер разглядел, что это был невысокий коренастый человек, закутанный в простую накидку из темного атласа, скрывавшую всю прочую его одежду. Рядом на столе лежали маска и шляпа без перьев с опущенными полями, из чего следовало, что этот человек пришел сюда тайно, боясь быть узнанным. Взгляд рыцаря не отрывался от лица незнакомца: большие карие глаза, в коих светился живой ум, курчавая иссиня-черная борода, темные волосы, перетянутые над широким лбом золотистой лентой...

Сэр Роджер вздрогнул. Ради всего святого, в какой заговор, в какую интригу довелось ему ввязаться? В кресле перед ним сидел Алексис Комнен, император Византии.

– Ты явился довольно скоро, Торвальд, – сказал император.

Сэр Роджер не ответил, слишком занятый мыслями о том, какая же таинственная сила привела императора Востока из его прекрасного дворца с мраморными колоннами в темную башню на краю города.

– Посыльный не сообщил тебе, зачем я потребовал твоего

присутствия?

Сэр Роджер наудачу покачал головой. Алексис кивнул.

– Я сказал ему лишь, чтобы он поторопил тебя. Мне хотелось бы знать: когда ты путешествовал среди корсаров Черного моря, они когда-либо подозревали, кто ты на самом деле?

Сэр Роджер снова покачал головой.

Алексис улыбнулся:

– Ты, как всегда, неразговорчив, старый волк! Это хорошо.

До сих пор ты следил за мусульманскими пиратами, однако сейчас у меня есть для тебя работа поважнее. Потому я и послал за тобой...

Торвальд, с тех пор как ты отправился к туркам на разведку, здесь побывало множество франков. Они пришли не так, как Петр Отшельник и Готье Сан-Авуар – толпы жалких нищих и мошенников. Они пришли с боевыми конями и фургонами, рыцарями и женщинами, лучниками, копьеносцами и воинами – одержимые жаждой вновь обрести Гроб Господень.

Первым пришел Хьюго из Вермандуа, брат французского короля. Он прибыл на корабле, вместе с несколькими помощниками. Я оказал ему королевские почести, богато одарил его и убедил поклясться мне в верности. Затем появились другие: Сен-Жиль из Прованса, Годфри из Буйона и его братья и этот дьявол Боэмунд. Все они поклялись мне в вер-

ности, кроме упрямого графа Прованского – но я его не боюсь. Все его мысли в Иерусалиме. Боэмунд – другое дело. Он готов перерезать горло святому Павлу ради удовлетворения собственного тщеславия.

Они захватили для меня Ниццу, но потом я выманил их оттуда, послав Мануэля Бутумитеса с целью тайного сговора с турками, и теперь в городе стоят мои солдаты. Сейчас войско движется на юг, к Палестине, и в горах Малой Азии Килидж Арслан перережет им всем глотки.

Император на миг прервался, словно некая важная мысль неожиданно посетила его, но затем продолжил:

– Не думаю, что им удастся одержать верх над Килиджем Арсланом, но по крайней мере, они нанесут ему достаточно серьезный удар для того, чтобы в ближайшие годы он больше не представлял для нас угрозы. Нет, я боюсь его куда меньше, чем этого дьявола, Боэмунда. Я хорошо помню, что лишь благодаря удаче я смог победить его двенадцать лет назад, когда он пришел сюда из Италии с Робертом Жискарром.

Торвальд, я послал за тобой потому, что нет такого человека к востоку от Дуная, который мог бы сравниться с тобой в искусстве владения мечом. Несмотря на тщательно разработанный план, Боэмунд буквально ускользнул у меня между пальцами! Среди корсаров ты был моими глазами и моим мозгом; теперь ты должен стать моим мечом. Твоя задача – проследить, чтобы Боэмунд не покинул поле битвы живым, когда Килидж Арслан выступит против франков. Не руби на-

право и налево, но направляй все свои удары на него! Таков мой приказ – что бы ни было, как бы ни повернулась судьба в бою, кто бы ни победил или проиграл, остался жив или погиб – убей Боэмунда!

Голос императора гулко отдавался в помещении, его темные глаза сверкали магнетическим блеском. Роджер так явно ощущал исходящую от него энергию, что сердце, до того бившееся спокойно, ровно, теперь неистово затрепетало.

– Крестоносцы уже несколько дней в пути, – продолжал Алексис, – но они движутся медленно, поскольку их конница вынуждена идти наравне с повозками. Тебе будет легко проскользнуть мимо них и добраться до султана прежде, чем он вступит в битву. Тебе подобрали доброго коня – он уже на лодке. А лодка стоит у Зеленого Причала – Анджелус проводит тебя туда. На азиатском берегу тебя встретит Ортук-хан, которого называют Оседлавшим Ветер, и отведет к султану. Теодор Бутумитес с Годфрим... – Он внезапно замолчал, уставившись на шлем Роджера. – Ради святого Павла, – сказал он, – у тебя на кольчуге кровь, Торвальд. Ты ранен?

– Нет, – рассеянно ответил Роджер, захваченный круговоротом всевозможных догадок и предположений.

В ту же минуту он понял свою ошибку. Алексис вздрогнул, и в его пронизательных глазах вспыхнуло подозрение. Чувства этого человека были остры, словно только что наточенный меч.

– Ты не Торвальд! – рявкнул он и одним движением, быстрым, словно у атакующего ястреба, сорвал шарф с головы рыцаря. Оба вскочили на ноги, и император отпрянул, крича: – Это не Торвальд! Эй, стража! Здесь шпион!

Меч сэра Роджера сверкнул в пламени свечей. Алексис, словно кот, отпрыгнул назад, и просвистевший рядом с его головой клинок срезал прядь его волос. В то же мгновение комната заполнилась вооруженными людьми, что врывались во все двери, готовые поразить любого, кто покусится на жизнь их владыки. Однако в комнате они увидели только двоих: самого императора и его преданного слугу, так что на секунду отчаянные крики Алексиса ошеломили их. Лишь Роджер в точности знал, что следует делать. У него не было времени снова атаковать императора, который спрятался за большим креслом, крича своим солдатам, чтобы те прикончили самозванца. Норманн метнулся к ближайшей двери, путь к которой преграждали трое. Первый упал – одним рубящим ударом рыцарь рассек его шлем и череп; когда же остальные двое бросились к Роджеру с поднятыми мечами, он пригнулся и нырнул головой вперед, прикрываясь щитом. Они отшатнулись в стороны, и норманн на полном ходу вылетел через дверь в коридор. Едва удержавшись на ногах, он кинулся бежать по короткому проходу. Внешняя дверь осталась без охраны. Быстро исправившись с цепями и засовами, он выскочил наружу, захлопнул дверь перед носом вопящих преследователей, и помчался по узкой улице. Погоня не от-

ставала. Рыцарь уже не надеялся, что ему удастся убежать, но вот впереди показались широкие ряды спускавшихся к воде ступеней из зеленого мрамора, известных как Зеленый Причал. Это место было хорошо знакомо сэру Роджеру. У самой причала стояла большая лодка; у нижней ступени ее удерживал крюк, накинутый на вделанное в мрамор кольцо. Конюхи придерживали стройную арабскую лошадь, а мускулистые гребцы изумленно смотрели на рыцаря, который быстро сбежал по ступеням и прыгнул в лодку.

– Посторонитесь! – рявкнул он. Лодочники заколебались. Сверху, с улицы, донесся шум погони – лязг стали и треск факелов.

– Вперед!

И гребцы увидели блеснувшую в темноте обнаженную сталь. Они были лишь слугами, а не солдатами. Рулевой отцепил крюк и изо всех сил оттолкнул лодку от ступеней. Тяжелое судно развернулось по течению, гребцы налегли на весла. Они выплыли на простор пролива, в темной воде кое-го отражались звезды; оглянувшись, сэр Роджер увидел фигуры в доспехах, которые бегали по причалу в поисках лодки. Ему повезло: причал уже скрылся вдали, когда до него донесся едва слышный лязг уключин, и он понял, что погоня продолжается.

Гребцы, поглядывая на его окровавленный меч, изо всех сил навалились на весла. Шум погони постепенно приближался – враги преследовали его на протяжении трех миль, и

последние несколько сотен ярдов он видел их шлемы, сверкавшие в звездном свете. Однако он все еще опережал их на несколько десятков ярдов, когда нос его лодки коснулся наконец азиатского побережья. Вскочив в седло, он пришпорил коня и скрылся в темноте.

Здесь у него было преимущество: его преследователи не имели лошадей. Быстрым галопом он поскакал на восток. В темноте виднелись лишь тусклые очертания невысоких холмов и неясные расплывчатые пятна – видимо, пастушьи хижины. Облака снова заслонили звезды, и луна давно исчезла где-то в глубине небес. Рыцарь натянул поводья, двигаясь почти шагом в густой тьме, когда внезапно понял, что неподалеку есть кто-то еще – он расслышал топот копыт и звон упряжи. Человек выругался на чужом, но ненавистно знакомом языке. Турки! Двигаясь вслепую в темноте, Рорджер оказался прямо среди них. Он осторожно потянулся к мечу, но в тот же миг один из всадников свистящим шепотом спросил его:

– Это ты, лорд Торвальд?

– Кто же еще? – прорычал рыцарь, стараясь в точности повторить норвежский акцент Торвальда.

– Посвети, – пробормотал другой голос. – Лучше удостовериться.

Звякнул кремень о сталь, и вспыхнул крохотный огонек, отразившись в отполированных наконечниках, блестящих шлемах и кольчугах и озарив круг бородатых темных ястре-

биных лиц. Высокий воин, державший огонь, наклонился и пристально взглянул на сэра Роджера.

– Видите золотого сокола? – сказал он. – Кроме того, взгляните на меч. Лицо Разрушителя не слишком знакомо мне без бороды, но, клянусь Аллахом, я узнал бы этот меч где угодно!

Огонь погас. Сзади, ближе к берегу, послышался отдаленный ропот множества людей. Факелы отбрасывали беспорядочные отблески. Роджер почувствовал, как воины вокруг него подозрительно застыли, и услышал, как шевельнулись в ножнах их сабли.

– Кто там? – спросил высокий мусульманин.

– Люди, которых послал император. Они должны проследить, чтобы я благополучно добрался до места, – ответил сэр Роджер. – Он опасался, что франки могли оставить своих шпионов. Чего мы ждем? Скоро рассвет.

– Верно, – пробормотал турок. – И нам лучше будет добраться до холмов, пока темно. Ты появился раньше, чем мы ожидали. Мы ехали к берегу, чтоб встретить тебя, и вдруг ты оказался среди нас. Нам повезло, что мы не разминулись в этой проклятой тьме. Поезжай среди нас, милорд.

Они пустили лошадей легким галопом, преодолевая милю за милей, и к рассвету, словно летящая банда пустынных призраков, пересекли горный кряж и скрылись среди холмов.

При дневном свете рыцарь увидел своих спутников – два

десятка всадников-сельджуков, одетых в сталь, золото и кожу. Они мчались подобно ветру, не жалея коней, и он предположил, что в холмах их ждут свежие лошади, поскольку они уже были за восточными границами владений Алексиса. Они ни в чем его не подозревали, но у него в этом мрачном маскараде не было никаких планов. Ему приходилось плыть по течению, будучи помимо воли захваченным водоворотом событий. Он знал, что следует делать, если возникнет благоприятная возможность, но в данный момент он был беспомощен и не располагал всеми необходимыми сведениями.

В самом деле, вся его жизнь шла подобным образом. Об этом сейчас мрачно размышлял он под стук копыт. Он родился в замке, отстроенном из руин саксонской крепости, почти через год после битвы при Гастингсе. С ранней юности он ввязался в столь запутанную историю, что сам уже отчаялся выбраться из нее невредимым. Ему пришлось покинуть родные края – всего на день он успел опередить солдат, посланных рассерженным королем. Обидевшись на своего сеньора, он поступил на службу к герцогу Роберту Нормандскому, что постоянно ссорился со своим похожим на лиса братом. Однако нетерпеливая душа Роджера не смогла вынести праздности и обжорства герцога, сколь бы добродушен тот ни был, и в конце концов он оказался в королевстве, которое норманнские мечи отсекали от Южной Италии. Он скакал рядом с Танкредом и участвовал в его приключениях, но нескончаемые амбиции Боэмунда наскучили англий-

скому рыцарю. Место действия переместилось в Рейнланд, где ему пришлось стать участником кровавого завершения вражды герцога Годфри с Рудольфом Швабским. Затем наступила пора расцвета крестовых походов, последовавшая за трубным зовом папы Урбана, и люди начали продавать свои земли, чтобы купить коней, которые унесли бы их на восток – спасти заблудшие души и убивать язычников.

Бароны постепенно собирались вместе, но, с точки зрения наиболее нуждающихся, слишком медленно. Кроме того, многие молчаливо сомневались в том, что на их долю что-либо останется после того, как великие лорды одержат победу. Толпы крестьян, нищих и бродяг объединились вокруг Петра Отшельника, целуя землю, по которой он ступал, и подставляя головы под удары копыт его угрюмого осла – в попытках вырвать клоч серой шерсти животного как священную реликвию. Петр во всем подражал Урбану, и, казалось, какая-то магнетическая сила привлекала на его сторону все новых и новых людей. Этот мрачный фанатик обратился в свою веру также нескольких бедствующих рыцарей и дворян, и пестрая орда двинулась на восток, вниз по Дунаю, воспевая осанну и воруя свиней.

Среди этих бедных рыцарей были Роджер де Коган и его брат по оружию, Готье Сан-Авуар – Безденежный. Они пытались навести хоть какой-то порядок среди окружавшего их сброда, но с тем же успехом они могли пытаться собрать в стаю карпатских стервятников. Прорзорливые паломники,

которых насчитывалось около восьмидесяти тысяч, словно саранча прошли по земле венгров, сразились с заставами Алексиса, на коленях приветствовали шпиди Константинополя и наконец обосновались там, явно намереваясь уничтожить все продовольственные запасы империи.

Когда они начали сдирать свинцовые листы с крыш соборов, чтобы продать их на рынке, Алексис, пребывая в совершеннейшем отчаянии, убедил их перебраться на другой берег Босфора. Там они рассеялись по холмам и, к всеобщему облегчению, пали жертвой разбойничьей банды турок. Готье и его товарищи, движимые скорее доблестью, нежели благоразумием, поспешили на помощь несчастным и наткнулись на целую армию украшенных перьями цапли и распевających песни всадников. Готье пал смертью храбрых на груди вражеских трупов, вместе со своими доблестными воинами, а сэр Роджер, придя в себя после страшного удара секиры по макушке шлема, обнаружил, что скован цепями вместе с прочими воинами своего отряда. Далее они пешком шагали в Ниццу; здесь его продали высокому художнику, одетому в сталь и золото, – арабу, Юсефу ибн Загашу. Его изящный корабль ходил вдоль берегов Черного моря и вверх и вниз по Босфору, от Черного моря до Средиземного. Рыцарю пришлось стать свидетелем ужасных сцен, кои разыгрывались как в трюме галеры, так и на запятнанной кровью палубе, – потом они являлись ему в кошмарных снах в течение всей его жизни. Однако эти кровавые видения не

в силах были затмить иную жуткую картину – его товарища, Готье, умирающего среди мертвых, и – худого надменного всадника в золоченой кольчуге и шлеме с пером цапли, поднимающего на дыбы лошадь, копыта которой мигом позже опускаются на окровавленное лицо...

«Так Осман, сын Килиджа Арслана, поступает с неверными!» Эти презрительные слова звучали в ушах Роджера де Когана сквозь плеск волн, скрип весел и шум сражений.

Теперь же английский рыцарь оказался в одной компании с турецкими грабителями. Он чувствовал себя участником мрачного маскарада; он ничего не знал о том, куда они направляются, за исключением того, что ему – вне всякого сомнения – предстоит оказаться лицом к лицу с принцем Османом и его жестокосердным отцом. Роджер постоянно оглядывался, нет ли признаков погони, но если солдаты Алексиса и преследовали их, то уже сбились со следа.

К полудню всадники подошли к невысокой башне среди холмов. Тут их ждали еда, питье и свежие лошади. Они находились во внешних владениях Килиджа Арслана, Красного Льва ислама, но пока что не встречали никаких поселений – лишь руины, оставшиеся от древних времен правления римлян. Быстро поев, они вновь вскочили в седла и помчались дальше.

В течение всего жаркого и сухого летнего дня они скакали галопом среди неровных холмов, не жалея лошадей. Роджер искал взглядом передовой отряд крестоносцев или хоть ка-

кие-то признаки их движения, но понял, что они сами, видимо, едут севернее. Он не задавал никаких вопросов; ничего не говорил и Ортук-хан. Он ехал, напевая песню о войне, который был столь искусным наездником, что удостоился имени Оседлавшего Ветер. Роджер чувствовал – это было слабостью и предметом тщеславия сельджука.

Взошла луна, затем зашла снова, и они опять остановились среди холмов, где смогли поменять лошадей. Ортук-хан долго о чем-то разговаривал с запыленным гонцом. Затем он уселся на землю, скрестив ноги, и сделал знак своим людям, чтобы те приготовили еду.

– Мы уже недалеко от цели, – сказал он Роджеру. – За часы мы преодолели расстояние, на которое крестоносцам потребовались дни. Теперь лишь три часа пути отделяет нас от лагеря неверных. На рассвете мы двинемся вперед и вступим в битву.

Недоумевая, каким именно образом Алексис намеревался избавиться от Боэмунда, не уничтожив остальных крестоносцев, Роджер решил задать вопрос:

– Расскажи мне еще раз, какую ловушку Красный Лев построил крестоносцам.

– Очень просто, – с готовностью ответил Ортук-хан. – Маймун – Боэмунд – вместе со своими людьми идет впереди основного отряда неверных. Этой ночью они разбили лагерь там, где холмы спускаются к равнине Дорилеум, ожидая подхода Сенджила – Сен-Жиля – и остальных.

Однако Алексис дал этим остальным проводника, который поведет их по ложному пути. Видишь вон ту вершину, которая возвышается над другими холмами? Если ты поспеешь прямо на юг от этой вершины, через пять часов ты окажешься возле их лагеря.

На рассвете Красный Лев нападет с востока и раздавит Маймуна и его рыцарей. Затем он двинется дальше и сотрет с лица земли Сенджила и остальных.

Значит, Алексис был заодно с сельджуками – по крайней мере, в том, что касалось уничтожения Боэмунда; это было очевидно с самого начала. Вероломный проводник, которого упомянул Ортук-хан, вероятно, Теодор Бутумитес. Алексис говорил, что грек был вместе с Сен-Жилем. Рыцарь взглянул на вершину, стараясь четко запомнить ориентиры, указанные ему турком. Равнина Дорилеум находилась в трех часах езды к востоку; лагерь остальных крестоносцев – в пяти часах к югу. Вот первые лучи солнца коснулись восточных холмов. Турки зашевелились, седлая лошадей и застегивая доспехи.

– Ортук-хан, – небрежно сказано сэру Роджеру, вставая и кладя руку на гриву стройного турецкого коня, которого ему дали, – уже светает, и нам нужно торопиться, чтобы присоединиться к Красному Льву. Но, чтобы разогреть коней, давай пробежим наперегонки до того холма.

Турок улыбнулся:

– Нам еще три часа скакать до Дорилеума, и у наших ко-

ней будет еще немало работы, прежде чем мы доберемся до лагеря.

– До холма всего лишь несколько сотен ярдов, – ответил сэр Роджер. – Я много слышал о твоём искусстве наездника и почту за большую честь состязаться с тобой. Конечно, здесь много камней и булыжников и почва ненадежна. Если ты не уверен...

Лицо Ортук-хана потемнело.

– Ты дурно выразился, о человек, которого зовут Разрушителем. Единственная глупость может сделать дураком и мудреца. Однако садись в седло. Я обгоню тебя, как мальчишку.

Они вскочили в седла и, натянув поводья, подвели коней вровень друг с другом, затем сорвались с места, словно выпущенные из лука стрелы. Одетые в сталь воины с интересом наблюдали за гонкой.

– Почва не столь неровная, как сказал франк, – промолвил один. – Смотрите, они летят, словно соколы. Ортук-хан вырывается вперед.

– Однако Разрушитель преследует его по пятам! – воскликнул другой. – Смотрите, они уже возле холма... Что это? Франк вытащил меч! Он сверкает в свете зари... О, Аллах!

Изумленный крик вырвался из груди воинов. Мчавшийся на всем скаку норманн скрылся за холмом. Позади него лошадь без всадника унеслась прочь от неподвижной фигуры, лежавшей в алой луже посреди камней. Для Оседлавше-

го Ветер эта гонка оказалась последней.

Страхнув с клинка красные капли, сэр Роджер отпустил поводья своей лошади. Он не оглядывался, хотя напряженно вслушивался, не раздастся ли стук копыт преследователей. Держа курс на вершину, он скользил среди холмов, словно летящий призрак. Вскоре после восхода солнца он пересек широкую дорогу со следами колес повозок и отпечатками множества ног и копыт. Дорога Боэмунда. Среди следов виднелись более свежие отпечатки копыт, неподкованных и поменьше. Следы турецких коней. Значит, разведчики сельджуков следовали за норманнской колонной в небольшом отдалении.

Ближе к полудню Роджер въехал в широко раскинувшийся лагерь крестоносцев. Его сердце, что никогда не отличалось излишней мягкостью, потеплело при виде знакомой картины: рыцарей, державших соколов на руке и больших собак на поводках; рыжеволосых женщин, смеявшихся в завешенных балдахинами шатрах; юных пажей, чистивших доспехи своих господ. Все это казалось частью Европы, переместившейся в унылые холмы Малой Азии. В лагере насчитывалось двести тысяч человек; костры и палатки были разбросаны по всей равнине. Некоторые шатры были разобраны, часть быков привязана к повозкам, но всюду и во всем чувствовалось ожидание. Воины опирались на свои копья, пажи бродили среди низких кустов, свистом подзывая собак.

Роджер видел желтоволосых рейнландцев, чернобородых

испанцев и провансальцев – французов, немцев, австрийцев. Его ушей достигла многоязыкая речь.

Рыцарь проехал сквозь толпу, изумленно взиравшую на его пыльную кольчугу и взмыленную лошадь, и остановился перед шатрами, которые, судя по их ярким цветам, принадлежали вождям экспедиции. Он увидел, как они выходят из палаток в полном вооружении: Годфри Буйонский, его братья, Юстас и Болдуин Булонские, а также коренастый седобородый Раймонд де Сен-Жиль, граф Тулузский. Рядом с ними стоял человек в богато украшенных доспехах, отполированные пластины которых выглядели богатым нарядом по сравнению серыми кольчугами западников. Роджер понял, что это Теодор Бутумитес, брат новоиспеченного герцога Ниццы и офицер греческой катафракты.

Турецкий конь фыркнул и дернул головой, роняя клочья пены. Роджер спешил и, как и подобает норманну, не стал тратить лишних слов.

– Милорды, – сказал он, не теряя времени на приветствие, – я пришел, чтобы сообщить вам, что предстоит сражение, и, если вы хотите принять в нем участие, вам стоит поторопиться.

– Сражение? – спросил Юстас Булонский, насторожившись, словно почуявший запах охотничий пес. – И кто сражается?

– Боземунд противостоит Красному Льву, как раз сейчас, пока мы здесь стоим.

Бароны неуверенно переглянулись, а Бутумитес рассмеялся:

– Этот человек сумасшедший. Как мог Килидж Арслан напасть на Боэмунда, разминувшись с нами? И мы не видели никаких турок.

– Где Боэмунд? – спросил Раймонд.

– На равнине Дорилеум, примерно в шести часах быстрой езды отсюда на север.

– Что? – послышался недоверчивый возглас. – Как это может быть? Лорд Теодор повел нас прямой дорогой, через долины, которые прошел стороной Боэмунд. Норманны где-то позади нас, и Теодор послал своих византийских разведчиков, чтобы найти их и привести сюда, потому что они заблудились в холмах. Мы ждем их, прежде чем продолжить путь.

– Это вы заблудились, – бросил сэр Роджер. – Теодор Бутумитес – шпион и изменник, посланный Алексисом, чтобы направить вас по ложному пути, пока Килидж Арслан уничтожает Боэмунда...

– Ты заплатишься за это жизнью, собака! – закричал разъяренный грек, метнувшись вперед и хватаясь за меч. Роджер с мрачным видом шагнул ему навстречу, взявшись за рукоять собственного меча, но вмешались бароны.

– Это серьезное обвинение, друг мой, – сказал Годфри. – Чем ты можешь доказать свои слова?

– Ради всего святого, – воскликнул Роджер, – разве вы не видели, что грек сворачивает все дальше и дальше на юг?

Норманны пошли более прямой дорогой – это вы сбились с пути. Боэмунд двигался на юго-восток; вы же шли прямо на юг. Если бы вы следовали в этом направлении достаточно долго, вы могли бы добраться до Средиземного моря, но вряд ли пришли бы в Святую Землю!

– Кто этот бродяга? – сердито спросил Бутумитес.

– Герцог Годфри знает меня, – ответил норманн. – Я Роджер де Коган.

– Святые угодники! – воскликнул Годфри, и его усталое лицо осветилось улыбкой. – Я должен был узнать тебя, Роджер! Но ты изменился... Да, изменился. Милорды, – повернулся он к остальным, – этот джентльмен знаком мне с давних времен – он был вместе со мной в Латеране, когда я...

Он замолчал, испытывая странное отвращение, которое испытывал всегда, вспоминая об убийстве герцога Рудольфа в священных пределах – со своей стороны он считал сие святотатством.

– Но мы его не знаем, – ответил Сен-Жиль с присущей ему осторожностью. – И рассказ его весьма странен – он намерен вести нас в бой, вооруженный лишь собственным мечом...

– Гром и молния! – крикнул Роджер, терпение которого лопнуло. – Мы так и будем стоять здесь и болтать, пока турки не перережут горло Боэмунду? Это мое слово против слова грека, и я требую суда – пусть поединок рассудит нас!

– Хорошо сказано! – воскликнул Адемар, легат папы, высокий человек в рыцарской кольчуге. Подобные сцены со-

гревали его сердце – сердце воина. – Как выразитель интересов нашего Святого Отца, я подтверждаю справедливость подобного решения.

– Что ж, пусть будет так! – воскликнул Роджер, горя от нетерпения. – Выбирай оружие, грек!

Бутумитес окинул взглядом его пыльную кольчугу, и его внимание привлекла тонконогая, покрытая пеной лошадка. Он таинственно улыбнулся:

– Осмелишься проскакать мне навстречу с обнаженным копьём?

В этой области франки были опытнее греков, но Бутумитес, будучи более крепко сложенным, чем большинство его соотечественников, вполне мог состязаться с жителями Запада в физической силе, к тому же у него был опыт рыцарских турниров за время пребывания при дворе Алексиса. Он бросил взгляд на своего могучего черного боевого коня, облаченного в тяжелую сбрую из шелка, стали и покрытой лаком кожи, и снова улыбнулся. Однако вмешался Годфри:

– Нет, господа, мне очень жаль, но сэръ Роджер прискакал сюда на уставшей лошади. Притом она более подходит для скачек, нежели для поединка. Роджер, ты возьмешь моего коня и копьё, и мой шлем тоже.

Бутумитес пожал плечами. В одно мгновение все его сокрушительное преимущество улетучилось, но он все еще был уверен в себе. Так или иначе, он предпочитал копьё клинку, не имея никакого желания встретить удар громад-

ного меча, висевшего на бедре сэра Роджера. Ему уже приходилось прежде сражаться с норманнами.

Роджер взял длинное тяжелое копье и сел на коня, которого держали пажы Годфри, но отказался от тяжелого шлема – массивного, напоминавшего котел, без подвижного забрала, но со щелью для глаз. Поединок не сопровождался какими-либо условностями или формальностями. В те давние времена скачка с копьями была либо дуэлью с обнаженным оружием, либо просто разновидностью тренировки перед более серьезной схваткой.

Толпа выстроилась по обеим сторонам, оставив широкую открытую полосу. Соперники разъехали на небольшое расстояние, развернулись, взяли копья наперевес и стали ждать сигнала.

Раздался звук трубы, и кони устремились навстречу друг другу. Сверкающие черные доспехи и украшенный перьями шлем византийца резко контрастировали с пыльными серыми доспехами и простым железным кольчужным капюшоном норманна. Роджер знал, что Бутумитес направит свое копье прямо в его незащищенное лицо, и низко наклонился, глядя на соперника над краем своего тяжелого щита. Толпа завопила, когда рыцари столкнулись со страшным грохотом. Оба копья дрогнули в руках, и кони встали на дыбы. Однако Роджер удержался в седле, хотя и был наполовину оглушен чудовищным ударом, в то время как Бутумитеса выбросило из седла, словно ударом молнии. Он остался лежать там, где

упал, бесформенной грудой полированного металла в пыли, и из его расколотого шлема сочилась кровь.

Роджер успокоил лошадь, соскользнул на землю; в голове у него все еще звенело. Копье византийца, отразившись от края щита, сорвало с его головы капюшон и едва не порвало сухожилия на шее. На негнущихся ногах он подошел к толпе, что собралась вокруг распростертого на земле грека. С него сняли шлем с перьями, и Бутумитес посмотрел остекленевшими глазами на лица стоявших вокруг. Ясно было, что он умирает. Его нагрудник был разбит и вся грудная клетка вдавлена внутрь. Альдемар склонился к нему с четками в руке, быстро бормоча молитву.

– Сын мой, не желаешь ли исповедоваться?

Губы умирающего пошевелились, но выдохнули лишь слабый хрип. Собрав последние силы, грек пробормотал:

– Дорилеум... Килидж Арслан... Боэмунд...

Тут кровь хлынула с его губ, и он застыл, разбросав покрытые сталью руки и ноги.

Годфри немедленно перешел к делу.

– По коням! – крикнул он. – Коня сэру Роджеру! Боэмунд нуждается в помощи, и, во имя Господа, он не будет звать напрасно!

Толпа закричала; наступила всеобщая суматоха – рыцари садились на коней, воины облачались в доспехи, женщины и пажи собирали шатры.

– Подождите! – воскликнул Сен-Жиль. – Мы не можем

отправиться вместе с повозками и слугами – кто-то должен охранять обоз...

– Вот и займись этим, милорд Раймонд, – сказал Годфри, сгорая от желания лететь навстречу врагу и на помощь другу. – Подготовь повозки и следуй за нами. Мне и моим всадникам нужно спешить. Роджер, веди!